УДК 03.09.23
МРНТИ 03.41.91
https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.2.256.268

Биоархеологические данные женских погребений с оружием эпохи позднего железа
(могильник Джрапи, Ширакская равнина, Армения)

© 2024 г. Худавердян А.Ю.

Keywords: *Armenia, Late Iron Age, Jrapi, female warrior burials, injuries*
Түйін сөздер: *Армения, кейінгі темір дәуірі, Джрапи, әйел жауынгерлерді жерлеу орындары, жарақаттар*
Ключевые слова: *Армения, поздний железный век, Джрапи, захоронения женщин-воительниц, травмы*

A. Khudaverdyan[1]
[1]*Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science, Yerevan, Armenia*

Bioarchaeological data from Late Iron Age female burials with weapons
(Jrapi cemetery, Shirak Plain, Armenia)

In northwestern Armenia (Shirak Province), anthropological material was obtained from the burial ground of Jrapi during rescue archaeological excavations conducted from 2013 to 2022. Female burials dating to the 8th–6th centuries BC contained weapons. The research was carried out through visual examination of skeletons and radiography. The article lists the types of injuries recorded on the skeletal remains. The trauma is categorized as either antemortem or perimortem. The nature of the injuries (head trauma, arrow wounds, and weapon-inflicted injuries) indicates violent events that caused severe harm or death to these women. This evidence points to the militarized nature of the local population.
Citation: Khudaverdyan A. 2024. Bioarchaeological data from Late Iron Age female burials with weapons (Jrapi cemetery, Shirak Plain, Armenia). *Margulan readings–2024.* In 2 vol. Vol. 2. Pp. 256–268 (in Russian).

А.Ю. Худавердян[1]
[1]*АР ҰҒА Археология және этнография институты, Ереван қ., Армения*

Кейінгі темір дәуіріндегі қаруы бар әйелдер қабірінің биоархеологиялық деректері
(Джрапи қорымы, Ширак жазығы, Армения)

2013–2022 жылдары Арменияның солтүстік-батысында (Ширак облысы) жүргізілген археологиялық құтқару жұмыстары кезінде Джрапи қорымынан антропологиялық материал алынды. Біздің дәуірімізге дейінгі VIII–VI ғғ. әйелдерді жерлеу орындарынан қару-жарақ табылды. Зерттеу қаңқаларды визуалды тексеріп қарау және рентгенография арқылы жүргізілді. Мақалада қаңқа сүйектеріне түскен жарақат түрлері сипатталған. Жарақаттарды көзі тірісінде де, тура өлер алдында да алған. Олардың сипаты (бас жарақаты, жебе және қару жарақаты) әйелдердің ауыр жарақаттануына немесе өліміне әкелген зорлық-зомбылық оқиғасының болғанын білдіреді. Бұл деректер жергілікті тұрғындардың жаугершілікте өмір сүргендерін айғақтайды.
Сілтеме: Худавердян А.Ю. 2024. Кейінгі темір дәуіріндегі қаруы бар әйелдер қабірінің биоархеологиялық деректері (Джрапи қорымы, Ширак жазығы, Армения). *Марғұлан оқулары–2024.* 2 том. 2-т. 256–268-бб. (Орысша).

А.Ю. Худавердян[1]
[1]*Институт археологии и этнографии НАН РА, г. Ереван, Армения*

Биоархеологические данные женских погребений с оружием эпохи позднего железа (могильник Джрапи, Ширакская равнина, Армения)

На северо-западе Армении (Ширакская область) в ходе спасательных археологических работ 2013–2022 гг. был получен антропологический материал из могильника Джрапи. В женских погребениях VIII–VI вв. до н.э. содержалось оружие. Исследование осуществлялось путём визуального осмотра скелетов и рентгенографии. В статье перечислены виды повреждений, зафиксированных на костях скелета. Последствия травм представлены как прижизненные и непосредственно перед смертью. Их характер (травмы головы, ранения от стрел и оружия) указывал на насильственное событие, которое привело к серьезным травмам или смерти этих женщин. Эти данные свидетельствуют о военизированном характере местного населения.
Цитирование: Худавердян А.Ю. 2024. Биоархеологические данные женских погребений с оружием эпохи позднего железа (могильник Джрапи, Ширакская равнина, Армения). *Маргулановские чтения–2024.* В 2-х т. Т. 2. С. 256–268.

«Судьбу народов ищите в ладони матери»
Гарегин Нжде

Введение

На протяжении более 150 лет в современной Армении были раскопаны многочисленные захоронения с уникальными материалами, которые в научной литературе считаются «воинскими погребениями». Учитывая количество и стандартный состав «воинских погребений» в раскопанных могильниках эпохи поздней бронзы и железного века, часто подчёркивалось, что подобные комплексы свидетельствуют о милитаризации общества и формировании военного класса. Как известно, погребальный обряд наглядно демонстрирует принадлежность покойника к определённой профессии, ремеслу и, соответственно, социальной прослойке. Согласно этому положению, похороненных с оружием можно считать отдельной социально-профессиональной группой – профессиональными воинами [Пустовалов 2005]. Присутствие в женских погребальных комплексах чисто мужских признаков, в частности транспортное средство (колесо), оружие, моделирование по черепу и т. д., указывает на относительно высокое социальное положение значительной части женщин и, в то же время, на символическое значение (передача предметов вооружения уже отбывшим в иной мир мужьям или родственникам) этих артефактов [Стрижак 2007]. Существует также мнение об антропологических ошибках.

Археологическому изучению женщин-воительниц посвящено немало работ [Пустовалов 2005; Берсенева 2011; Фиалко 2015; Mayor 2016; и др.]. Существование женских воинских подразделений зафиксировано исторически [Nelson 1997], так же как и женщин-воинов и военачальников [Jones-Bley 2008; Khudaverdyan et al. 2020; 2022]. Древние авторы сообщают нам немало интересного о женщинах-воинах. Сохранились сведения об исторических личностях – могучих воительницах, не уступавших мужчинам в силе и боевых подвигах [Диодор Сицилийский II, 44–46].

В архаичных сказаниях нартского эпоса осетин изредка упоминаются специальные отряды женщин-воинов. Сюжет об отважной дочери Даргавсара – один из лучших среди мировых сказаний об амазонках, в нём повествуется о создании девичьего войска, год овладевавшего тонкостями военного дела и затем победоносно сражавшегося с врагами [Нарты 1957]. В другом сказании

указывается, что в битве, где отчаянно защищались все нарты, девушки сражались вместе с мужчинами [Нарты 1957]. По черкесскому преданию, предки их жили на берегах Черного моря и вели частые войны с воинственными женщинами еммеч, жившими около Сванетии – т. е. в центральных районах Северного Кавказа. По мнению В.А. Кузнецова, отражение мотива амазонок в сочинении Геродота, осетинском нартском эпосе, фольклоре черкесов и карачаевцев свидетельствует не только о древнейших фольклорных связях, но и об исторической реальности амазонок-еммеч, в фольклоре получивших художественно-поэтическую обработку [Кузнецов 1980]. В армянской народной героической поэме о богатыре Давиде Сасунском действуют воительницы-богатырши, причем они нередко облачаются в доспехи. Одной из этих воинственных девушек была Хандут-хатун, дочь капуткохского царя. Широкое распространение амазонской традиции на Кавказе указывает на бытование института женщин-воительниц у ряда древних кавказских племён. Исторический подход к проблеме амазонок отражен в работе В. Леонарда, который доказывал связь амазонок и хеттов [Leonhard 1911].

Богини войны (наряду с богами) присутствовали в религиозных представлениях многих народов, в том числе и в армянском. В Армении почитали богиню войны, материнства и мудрости Нанэ. Нанэ – дочь верховного бога-творца Арамазда, выглядящая как молодая женщина в одежде воина (подобно Афине), с копьём и щитом в руках. Её культ был тесно связан с культом богини Анаит. История участия армянских женщин в военных действиях восходит к глубокой древности. Изображения женщин-всадниц с выделенными половыми признаками и оружием в руках обнаружены на бронзовом поясе из крепости Астхи-Блура; там же изображена колесница, в которой стояла ещё одна вооруженная женщина; аналогичная батальная сцена известна на глиняном сосуде из Дилижана (случайная находка, Дилижанский краеведческий музей). Изображения женщин-всадниц на вазах и бронзовых поясах вполне могли восприниматься населением Армении в соответствии с культурной традицией и в их смысловой интерпретации.

Данная статья посвящена исследованию костных останков позднего железного века из некрополя Джрапи провинции Ширак, Армения (рис. 1). Она расположена на северо-западе Армянского нагорья, граничит с Турцией на западе и Грузией на севере.

Археологическая разведка и раскопки некрополя показали, что в эпоху позднего железа здесь было густонаселённое и экономически развитое поселение. Лучшим доказательством этого является большая плотность захоронений. В этот период население находилось в тесном взаимодействии с населением сопредельных территорий. Направленность и интенсивность взаимоотношений были обусловлены географической средой обитания, доступностью кормовой базы и источниками сырья. Взаимоотношение с населением сопредельных регионов, нарушение границ общин, борьба за источники сырья могли быть причинами различного рода конфликтов.

В последнее время в биоархеологии активно развивается социальное направление, которое охватывает и богатый перечень проявлений насилия и конфликтов. Ранее преобладало мнение, что повреждения на мужских скелетах свидетельствуют о боевых столкновениях, а на женских – о набегах или бытовом насилии. Активизация гендерных исследований в археологии привела к пересмотру некоторых существовавших гипотез, травмы, полученные женщинами в отдельных популяциях, стали рассматриваться как боевые. Данное обстоятельство, прежде всего, может указывать на тот факт, что роль жертвы или агрессора культурно специфична и не всегда обусловлена биологическим полом.

Материал и методы

Некрополь Джрапи в 2013–2022 гг. исследовался археологами Л.Г. Еганян (рук. экспедиции) и А.А. Хачатрян. По совокупности инвентаря погребения могильника датируются VIII–VI вв. до н.э.

Захоронения по конструкции в основном трёх типов: первый – грунтовые захоронения, второй – в каменных ящиках и третий – в ящиках, сооружённых из обработанных каменных плит. На поверхности все три типа окружены кромлехами. В погребениях в основном захоронен один человек, в двух погребениях вместе захоронены мужчина и женщина, в одной гробнице обнаружены три захоронения, проведённые в разное время. Независимо от конструкции гробниц, захоронения производились в скорченном виде: мужчины на правом, женщины на левом боку. Раскопки некрополя показали, что во всех мужских и женских захоронениях были обнаружены разные виды оружия: бронзовые или железные кинжалы, наконечники стрел, копий и т. д. Это свидетельствует о военизированном характере местного населения. Сопутствующим материалом является керамика, которая была расположена, в основном, у ног или у головы покойников. У погребённых были также найдены украшения. В работе анализируются только женские скелеты. Всего в некрополе Джрапи обнаружено 13 женских погребений позднего железного века (рис. 2).

Определение пола проводилось на основании оценки диафизарных и эпифизарных размеров длинных трубчатых костей, описания лобкового симфиза, формы большой седалищной вырезки [Buikstra, Ubelaker 1994]. Определение биологического возраста выполнялось на базе оценки изношенности жевательной поверхности коронок зубов, изношенности суставов и симфизов (возникновения дегенеративно-дистрофических изменений в виде артрозных разрастаний, остеохондрозных изменений), выявления дегенеративно-дистрофических изменений на поверхности тел позвонков [Lovejoy et al. 1985; Meindl et al. 1985].

Полученные в ходе археологических раскопок антропологические материалы подвергнуты многочисленным лабораторным (рентгеновским, макроскопическим) исследованиям. Методы биоархеологической реконструкции, основанные на достижениях судебной медицины, дают возможность характеризовать:

1. Оружие, его тип и форму или предмет, которым была нанесена травма.

Острое оружие (колющее, режущее, рубящее) оставляет на костях характерные повреждения. Остроколющее оружие даёт на костях повреждения, соответствующие по форме и величине поперечному сечению клинка на том уровне, до которого он внедрен в кость. При проникающих ранениях (в частности, в полость черепа) образуется дефект в виде усечённого конуса. Виды тупых предметов имеют следующие поверхности: широкая плоская (преобладающая или ограниченная), сферическая, цилиндрическая, коническая, гранённая и неопределённой формы.

2. Последствия, к которым привела травма, была ли она причиной смерти. Произошло ли её заживление в местах нарушения её целостности. Дифференциальная диагностика прижизненных повреждений связана с обнаружением на концах или краях дефектов изменений в виде костных мозолей или сглаженности границ кости.

Изучались изменения скелетной системы, отражающие ежедневные нагрузки в связи с особенностями двигательной и профессиональной активности. Рентгенография проводилась с помощью портативного цифрового рентгеновского аппарата (Институт археологии и этнографии НАН РА).

Результаты

В силу принадлежности к достаточно военизированному обществу и частому привлечению к вооружённым пограничным и внутренним межплеменным конфликтам, женщины обладали не только специфическим менталитетом, но и вполне конкретными боевым навыками (владение луком, ножом, мечом, саблей, копьём и т. д.). В могильнике 37,15% погребены женщины, которые в течение жизни испытывали значительные физические нагрузки. Мышечный рельеф у них выражен сильно как на верхних, так и на нижних конечностях. Мускульная реакция развита значительно на

Рис. 1. Карта Армении, местонахождение могильника Джрапи (Исполнитель: А. Худавердян). Фото: А. Шахпаронян
1-сур. Армения картасы, Джрапи қорымының орналасқан жері (Орындаған: А. Худавердян). Фотосуреті: А. Шахпароняндікі
Fig. 1. Map of Armenia, location of Jrapi burial ground (Performer: A. Khudaverdyan). Photo: A. Shakhparonyan

Рис. 2. Женские захоронения с оружием: а) погребение 3 /2019/; б) погребение 1 /2022/; в) погребение 3 /2017/). Фото: А. Шахпаронян, графическая реконструкция: А. Саакян

2-сур. Қаруы бар әйелдердің жерлеу орындары: а) №3 жерлеу орны /2019/; б) №1 жерлеу орны /2022/; в) №3 жерлеу орны /2017/). Фотосурет: А. Шахпароняндікі, графикалық тұрғыдан қайта құрған: А. Саакян

Fig. 2. Female burials with weapons: a) burial 3 /2019/; b) burial 1 /2022/, c) burial 3 /2017/). Photo: A. Shakhparonyan, graphic reconstruction: A. Sahakyan

плечах, локтевых и лучевых костях, лопатках, бёдрах и на тазовых костях [Khudaverdyan et al. 2022]. Данные изменения могли быть вызваны чрезмерными нагрузками на определённые группы мышц, т. е. спецификой трудовой деятельности, когда индивиды находятся в вынужденном положении продолжительное время. Эти маркеры (enthesopathies, robusticity) указывают, что эти женщины могли быть наездницами и стрелками из лука [Khudaverdyan et al. 2022].

Интерес представляет обнаружение на костях скелета травм, позволяющее судить об уровне насильственных действий, о степени агрессивности социальной среды и о результатах применения разных типов оружия. Из общего количества наблюдаемых травм (13) подавляющее большинство (12) затрагивало свод черепа. На костях черепа обнаружены большинство травм, полученных при жизни. Компрессионные переломы характеризуются различного рода вдавлениями и вмятинами (рис. 3а). В области таких переломов наружный компактный слой вдавлен в губчатый слой кости. Дефект локализуется, как правило, на левой лобной или теменной костях (9 случаев), на правой – у двух женщин. Эти ранения имеют следы заживления. Такие повреждения наносятся твёрдым тупым предметом с ограниченно действующей поверхностью, круглым в сечении, овальной, квадратной или треугольной формы.

К лицевым повреждениям отнесены переломы носовых костей (4 случая), колюще-режущая травма нижней челюсти (1 случай), дополнительно учитывались случаи переломов коронок зубов и преждевременная их утрата с последующей облитерацией альвеолы (5 случаев), которые вполне могут являться результатом травматических повреждений. В трёх случаях носовые кости искривлены в правую сторону, и случай – в левую. Все случаи травм носа имеют благоприятный исход. Повреждение колюще-режущим оружием отмечается на нижней челюсти (рис. 3б). И эта травма имеет благоприятный исход. В двух случаях обнаружена прижизненная утрата верхних медиальных резцов. Вероятнее всего, утрата передних верхних резцов произошла в результате фронтальных ударов большой силы в обоих случаях. Травмы лица и удару по лицу, которые очень болезненны и обычно сопровождаются обильным кровотечением, имеют стратегический и символический характер, демонстрируя превосходство агрессора над побеждённым человеком.

Были обнаружены и посткраниальные повреждения, как правило, полученные в боевых столкновениях (рис. 3в). У одного индивида наблюдается застрявший в мягких тканях межреберья (левые 4 и 5) бронзовый наконечник стрелы, определённо повлекший летальный исход.

У другой женщины в области нижнего эпифиза большеберцовой кости наблюдается глубокий раневой канал округлой формы (12×12 мм), место, где, вероятно, находился обломок стрелы. Поверхность в области дефекта была разрушена и имелись склеротические изменения структуры кости. Полость канала относительно ровная и гладкая.

Относительное количество повреждений, сопряжённых со смертью, в женской совокупности составляет 15,39%.

Обсуждение

Для любого древнего общества при наличии особых исторических условий характерно участие женщин в военных действиях. Наиболее военизированными с этой точки зрения были те, кто жил или в пограничных районах, или в условиях междоусобных войн: именно в таких условиях женщинам приходилось заниматься самообороной. На Кавказе на воинственность женщин в процессе исторической эволюции традиционно влияли два фактора – внешний (агрессия окружающих более крупных племенных образований) и внутренний (межплеменная борьба).

Образ женщин-воинов сегодня в первую очередь ассоциируется с древнегреческими мифами о воительницах. Внимание к ним и споры о происхождении этого образа возникли ещё в древние времена и активно подогревались античными авторами, например, Плутархом и Гомером. Античные

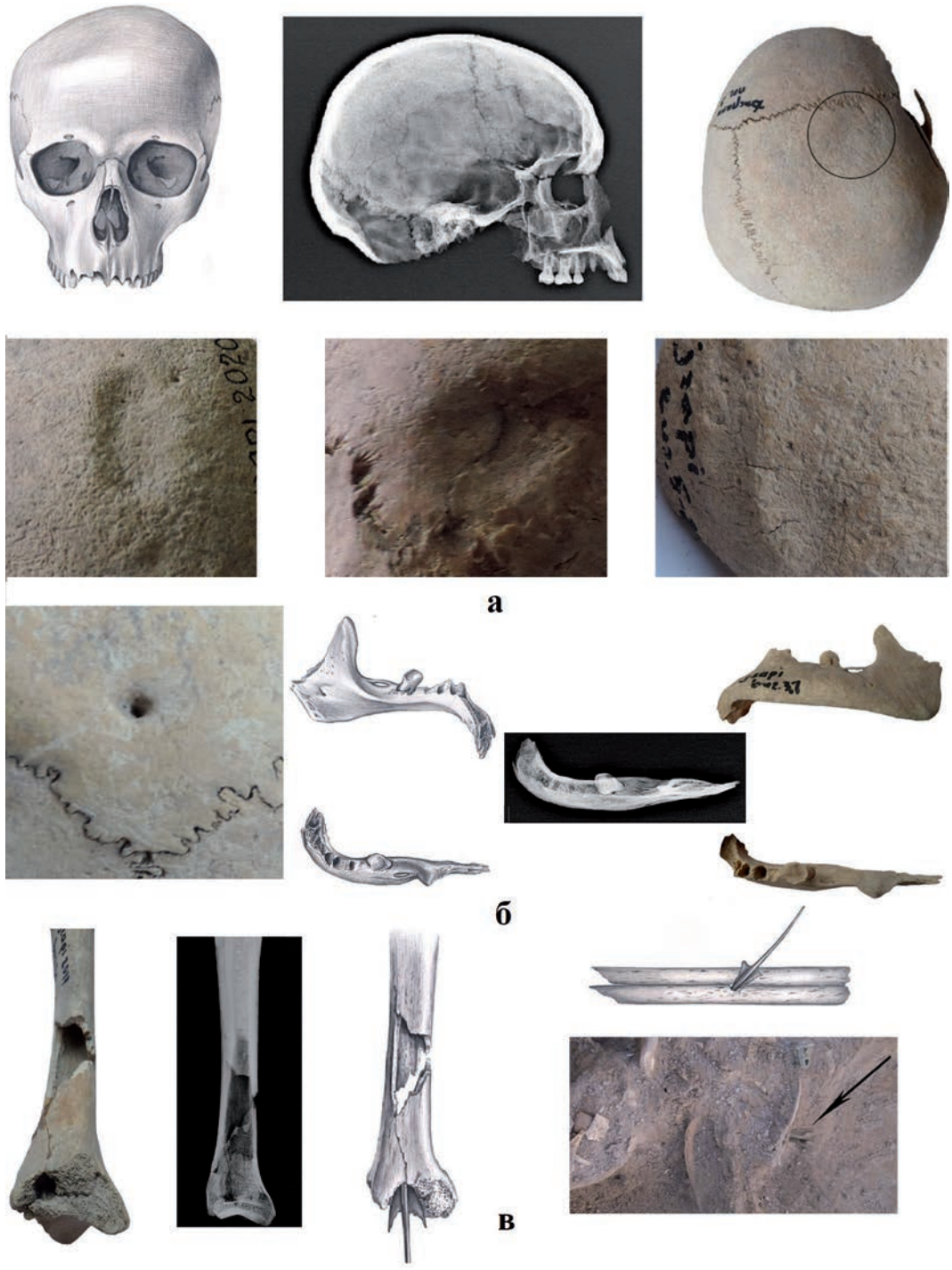

Рис. 3. Типы травм на скелетах. Фотография и рентгенография травм – А. Худавердян, графическая реконструкция – А. Саакян, фотография погребения – А. Шахпаронян

3-сур. Қаңқа жарақаттарының түрлері. Жарақаттардың фотосуреті мен рентгенографиясы – А. Худавердян, графикалық тұрғыдан қайта құрған – А. Саакян, жерлеу орнының фотосуреті А. Шахпароняндікі

Fig. 3. Types of injuries on skeletons. Photograph and radiography of injuries by A. Khudaverdyan, graphic reconstruction by A. Sahakyan, photograph of a burial by A. Shakhparonyan

авторы считали, что родиной амазонок была долина реки Термодонт (Терме-Чай), расположенная в Малой Азии, а их столицей – Фемискира (Темискира). Когда амазонкам пришлось оставить Малую Азию, далеко не все они оказались на побережье Меотиды. Что же касается остальных амазонок, то есть основания думать, что они переселились на Кавказ. Есть и такая точка зрения, что амазонки были выходцами с Кавказа, некоторое время жили на Термодонте, а потом вернулись на свою историческую родину. Страбон однозначно помещает амазонок на Кавказе.

Этимология слова «амазонка» до конца не изучена. Одни считают, что произошло оно от греческого «a mazos», что в переводе означает «без груди». Н. Марр, специалист в области древних языков, считал, что «амазонка» означает «женская конница». Не исключено, что «амазонка» – слово иранского происхождения и берёт своё начало от «ha-mazan» – воин. Известный мифолог Р. Грейвс считает, что слово «амазонки» имеет древнеармянское происхождение и означает «лунные женщины». То есть, это значение, указывающее на членство в каком-то тайном женском обществе [Graves 1992: 270]. Г.К. Ротери [Rothery 2004], рассуждая о том, как интерпретировать слово «амазонки», приводит слово «maza», что означает «луна» (возможно, именно его имел в виду Р. Грейвс).

Могилы воительниц археологи находили в разное время и на разных территориях. Благодаря археологическим исследованиям, известны многочисленные примеры захоронений женщин-воинов и наличия в их погребальном инвентаре оружия. Женщины покоились там вместе с мечами, кинжалами, луками и стрелами, колчанами и всей амуницией. В энеолитическом погребении № 9 кургана № 5 могильника Мухин 2 Среднестоговской культуры, раскопанном на правом берегу р. Дон, обнаружены останки женщины 17–20 лет. У кистей рук выявлены по одной кремневой пластине – светло-коричневой со следами использования (размерами 16×3,5 см) и чёрная обсидиановая с ретушью (размерами 25×3,2 см) [Нечитайло и др. 1998]. Похороненную в этой могиле молодую женщину назвали первой амазонкой степей Северного Причерноморья [Котова 2010]. В погребениях у носителей трипольской культуры среди идентифицированных женских захоронений оружие не отмечено. Однако в одной из пещер скального комплекса левобережья Днестра, близ пещеры № 8 второго яруса выявлен петроглиф, где женская фигура изображена с луком. Поэтому его можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что в период энеолита на этих территориях женщины держали в руках оружие [Фиалко 2015].

Женские захоронения в Центральной Анатолии раннего бронзового века (около 3000–2000 лет до н.э.) часто содержали оружие [Selover 2021]. Женщины наряду с мужчинами использовали его в повседневной жизни из-за всплеска насилия, подтверждающегося наличием многочисленных травм на скелетных останках из некрополей региона. Имеющиеся данные с некрополей в поселениях Демирчи-Хююк, Элмани-Картас и Икизтепе говорят о широком распространении насильственных смертей, чем в более ранние или поздние периоды. Тяжелые травмы черепа и посткраниального скелета встречаются среди всего взрослого населения. Чаще – у мужчин и взрослых женщин, реже – у детей и пожилых людей.

В эпоху средней бронзы в двух массивах погребений (восточно-катакомбном и ингульском) Северного Причерноморья С.Ж. Пустовалов [2005] отмечает женские могилы с оружием (^{14}C дата 2771 ± 110 (4190 ± 80 BP)). Исследователь заключает, что женщины занимались военным делом и принимали участие в войнах. Подтверждением такого вывода служат боевые ранения представителей катакомбной культуры, в том числе и женщин, отмеченные в работах антропологов.

В большом грунтовом могильнике Синташта (Южное Зауралье), открыто одиночное женское погребение № 22 (согласно калиброванной радиокарбонной шкале, начало II тыс. до н.э.). В области коленного сустава женщины обнаружен кремневый наконечник стрелы с обломанным острием [Генинг и др. 1992]. Обломанное острие, очевидно, говорит в пользу того, что стрела

связана с боевым ранением. Ещё два захоронения женщин с оружием открыты в малом грунтовом могильнике Синташта. У первой женщины (погр. 2) за спиной находился бронзовый тесловидный топор, каменный наконечник стрелы [Генинг и др. 1992]. В этом случае наконечник стрелы и, вероятно, топор представляются как личное оружие. У второй женщины (погр. 7) были обнаружены 14 наконечников стрел (девять каменных и пять бронзовых). В грунтовом синташтинско-петровском могильнике Бестамак (Казахстан, XXI–XVII вв. до н.э.) наконечники стрел и ножи-кинжалы в женских погребениях позволяют думать, что их владелицы в случае необходимости могли принимать участие в защите не только своих собственных интересов, но и интересов общины [Калиева, Логвин 2009].

Для эпохи бронзы на территории Армении нет идентифицированных захоронений женщин с оружием. Однако, для этого периода известны женские могилы с черепными травмами и трепанациями [Khudaverdyan 2016; Khudaverdyan et al. 2020; 2022]. При раскопках могильника Черная Крепость (эпоха поздней бронзы) был обнаружен скелет женщины (30–35 лет), у которой в верхней части диафиза локтевой кости имелся перелом с исходом в ложный сустав. Травму женщина получила во время столкновения, при попытке отразить удар противника. У неё отмечен перелом I шейного позвонка в области tuberculum post. Биоархеологическое исследование позволяет предположить, что женщина могла быть наездницей и стрелком из лука. Причиной переломов могло стать падение с лошади. Женщина-воин, оставшись инвалидом, после травмы прожила много лет.

Для эпохи раннего железа отмечается наиболее высокий количественный показатель захоронений женщин с оружием [Фиалко 2015]. В степных и лесостепных обществах определённый процент женщин (по разным регионам — от 10 до 25%) захоранивалось с оружием, что можно считать установленным [Берсенева 2011]. По данным М.С. Стрижак [2007], в выборке по ранним сарматам около 11% погребений с оружием были определены как женские (20 из 176 могил). Для скифского времени в этом регионе отмечено примерно 270–280 воинских захоронений с оружием, из которых 10–20% определяются как женские [Фиалко 2015]. Скифские женские захоронения с оружием встречаются в основном в элитных курганах [Петренко и др. 2004]. Данный показатель, по мнению исследователя [Фиалко 2015], значительно ниже реального ввиду того, что в погребальной практике местное население здесь отдавало предпочтение обряду кремации. Пазырыкские могильники Алтая также содержат захоронения женщин с оружием.

Вернёмся к исследованным нами костным останкам из могильника Джрапи. Оценивая характер травм, зафиксированных на костях скелета у женщин, можно предположить, что они являются свидетельством военных событий в жизни общества. Характер травм и их локализация позволяет говорить о том, что женщины активно участвовали в сражениях с вооружённым противником. Женщины сражались наравне с мужчинами, защищая своих детей, поселения, территорию. Захороненные женщины с оружием в погребениях – в возрасте от 20 до 49 лет. Травмы от стрел являются маркером межличностного насилия в популяциях. Исследование останков 13-ти женщин показало, что они ездили на лошадях, стреляли из луков, а травмы на скелетах, оружие в погребениях – всё это свидетельствует о существовании женщин-воинов в позднем железном веке на территории Ширакской равнины.

В **заключение** данного исследования уместно привести слова Кэролайн Джонс-Блэй относительно женщины-воина. «Вывод, что некоторые женщины занимали положение воинов в рассмотренных обществах, является бесспорным <...> Я ни в коем случае не полагаю, что индоевропейское общество было переполнено женщинами, пренебрегающими традиционными женскими обязанностями ради положения воина <…> Они или выступали на авансцену, когда общество нуждалось в них, либо просто общество не отличалось жестким распределением ролей

по половому признаку, которое мы ему приписывали с 19 в.» [Джонс-Блэй 1997: 71]. Приведенный отрывок касается женщин индоевропейского мира, он удивительно точно формулирует главную мысль (или скорее вывод) нашего исследования о том, что женщины-воительницы реально существовали – причем это не узколокальное или узкохронологическое, а общеисторическое явление. И причинами, побудившими женщин взяться за оружие, являются военные конфликты, возникавшие практически везде, где обитал человек, начиная с периода раннего палеолита и кончая XXI веком, то есть фактически сегодняшним днем.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Берсенева Н.А.* Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 72–79.

2 *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

3 *Джонс-Блэй К.* Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: Структуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории / Ред. М.Е. Ткачук и др. СПб.: Нестор, 1997. С. 67–73.

4 Дилижанский краеведческий музей. Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея / Сост. С.А. Есаян и Г.А. Оганесян). Ереван: [б./и.], 1969. 179 с.

5 *Калиева С.С., Логвин В.Н.* Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. Вып. 9. С. 32–58.

6 *Котова Н.С.* Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Шлях, 2006. 328 с.

7 *Кузнецов В.А*. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 135 с.

8 Нарты. Эпос осетинского народа. М.: АН СССР, 1957. 404 с.

9 *Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е.* Новые погребальные памятники эпохи энеолита // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 1. Днепропетровск, 1998. С. 58–68.

10 *Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.* Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2004. С. 179–210.

11 *Пустовалов С.Ж.* Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях, 2005. 411 с.

12 *Стрижак М.С.* О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: Региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 71–75.

13 *Фиалко Е.Е.* Амазонки во времени и пространстве // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 4 (17). С. 46–100.

14 Buikstra, J.E. & Ubelaker, E. (Eds.) Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History. Research Series. No. 44. Arkansas Archaeological Survey; 1994. 272 p.

15 *Graves R.* Myths of Ancient Greece. Takho-Godi A.A. (ed.). Penguin Books, 1992. 270 p.

16 *Jones-Bley K.* Arma Feminamque Cano: Warrior-Women in the Indo-European World // Linduff K.M., Rubinson K.S. (eds.), Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. Ch. 2. Altamira Press, Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2008. Pp. 35–50.

17 *Khudaverdyan A.Yu.* Trepanation in the Late Bronze Age and Early Iron Age in Armenia // Homo – Journal of Comparative Human Biology. 2016. Vol. 67. Pp. 447–461.

18 *Khudaverdyan A.Yu., Yengibaryan A.A., Hobosyan S.G., Hovhanesyan A.A., Saratikyan A.A.* An Early Armenian Female Warrior of the 8-6 c. BC from Bover I site (Armenia) // International Journal of Osteoarchaeology. 2020. Vol. 30 (1). Pp. 119–128.

19 *Khudaverdyan A.Yu., Yengibaryan A.A., Khachatryan H.H., Hovhanesyan A.A.* Warrior burial of the Late Bronze Age and Early Iron Age: the phenomenon of women warriors from the Jrapi Cemetery (Shirak province, Armenia) // International Journal of Osteoarchaeology. 2022. Vol. 32 (2). Pp. 524–535.

20 *Leonhard W.* Hettiter und Amazonen: Die Griechische Tradition Uber Die Chatti Und Ein Versuch Zu Ihrer Historischen Verwertung. Kessinger Publishing, LLC, 1911. 264 p.

21 *Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P.* Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. Vol. 68. Pp. 15–28.
22 *Mayor A.* The Amazons: Lives and legends of warrior women across the ancient world. Princeton University Press, 2016. 544 p.
23 *Meindl R.S., Lovejoy C.O., Mensforth R.P., Carlos L.D*. Accuracy and direction of error in the sexing of the skeleton: Implications for paleodemography // American Journal of Physical Anthropology. 1985. Vol. 68. Pp. 79–85.
24 *Nelson S.M.* Gender in Archaeology. Analyzing Power & Prestige, 1997. 240 p.
25 *Rothery G.K.* Amazon // Rothery G.K., Bennett F.M. The Golden Age of the Amazons. Moscow, 2004. Pp. 5–211.
26 *Selover S.* Weapons, warfare, and women: the dangerous lives of Early Bronze Age women in central Anatolia // Journal of Conflict Archaeology 2021. Vol. 15 (3). Pp. 1–16. DOI: 10.1080/15740773.2020.1926859.

REFERENCES

1 Berseneva, N. A. 2011. In *Vestnik archeologii, anthropologii i ethnografii* 1 (14), 72–79 (in Russian).
2 Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta: Arkheologicheskiye pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey* (*Sintashta: Archaeological monuments of the Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes).* Vol. 1. Chelyabinsk: Yrzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo (in Russian).
3 Jones-Blay, K. 1997. In: Tkachev, M. E. et al. (eds.). *Stratum: Struktury i katastrofy: Sbornik simvolicheskoy indoevropeyskoy istorii* (*Stratum: Structures and Catastrophes*: A Compendium of Symbolic Indo-European History). St. Petersburg: "Nestor" Publ., 67–73 (in Russian).
4 Yesayan, S. A., Hovanesyan, G. A. (compl.). 1969. *Dilizhanskiy kraevedcheskiy muzei. Katalog arheologicheskih predmetov Dilizhanskogo kraevedcheskogo muzeya (Dilijan Museum of Local History. In: Catalogue of archaeological items of the Dilijan Museum of Local History).* Yerevan (in Russian).
5 Kalieva, S. S., Logvin, V. N. 2009. In *Vestnik archeologii, anthropologii i ethnografii* 9, 32–58 (in Russian).
6 Kotova, N. S. 2006. *Ranniy eneolit Stepnogo Podneprov'ya i Priazov'ya (Early Eneolithic of the Steppe Podneprovie and Azov region).* Lugansk: "Shlyakh" Publ. (in Russian).
7 Kuznetsov, V. A. 1980. *Nartskiy epos i nekotoryye voprosy istorii osetinskogo naroda (Nart epic and some issues of history of the Ossetian people).* Ordzhonikidze: "Ir" Publ. (in Russian).
8 Narts. 1957. *Epos osetinskogo naroda* (*Epos of the Ossetian People).* Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
9 Nechitaylo, A. L., Kozyumenko, E. V., Zherebilov, S. E. 1998. In: Problemy arheologii Podneprov'ya (*Problems of archeology of the Dnieper region).* Issue 1. Dnepropetrovsk, 58–68 (in Russian).
10 Petrenko, V. G., Maslov, V. E., Kantorovich, A. R. 2004. In: Yablonskiy, L. T. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka Yuga Rossii (Archaeological monuments of the early Iron Age in the South of Russia).* Moscow: Institute of Archaeology RAS, 179–210 (in Russian).
11 Pustovalov, S. J. 2005. *Sotsialnyy lad katakombnoho suspilstva Pivnichnoho Prychornomor"ya* (*Social system of the catacomb society of the Northern Black Sea coast*). Kyiv: "Shlyakh" Publ. (in Ukrainian)
12 Strizhak, M. S. 2007. In: Yablonskiy, L. T., Tairov, A. D. (eds.). *Vooruzheniye sarmatov: Regionalnaya tipologiya i khronologiya (Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology).* Chelyabinsk: South Ural State University, 71–75 (in Russian).
13 Fialko, E. E. 2015. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and Early History of Ukraine)* 4 (17), 46–100 (in Russian).
14 Buikstra, J. E., Ubelaker, E. (Eds.) 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains*. Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History. Research Series, 44. Arkansas Archaeological Survey (in English).
15 Graves, R. 1992. *Myths of Ancient Greece.* "Penguin Books" Publ. (in English).
16 Jones-Bley, K. 2008. In: *Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe.* Ch. 2. Altamira Press, Rowman & Littlefield Publ., INC, 35–50 (in English).
17 Khudaverdyan, A. Yu. 2016. In *Homo* – Journal *of Comparative* Human Biology 67, 447–461 (in English).
18 Khudaverdyan, A. Yu., Yengibaryan, A. A., Hobosyan, S. G., Hovhanesyan, A. A., Saratikyan, A. A. 2020. In *International Journal of Osteoarchaeology* 30 (1), 119–128 (in English).
19 Khudaverdyan, A. Yu., Yengibaryan, A. A., Khachatryan, H. H., Hovhanesyan, A. A. 2022. In *International Journal of Osteoarchaeology* 32 (2), 524–535 (in English).
20 Leonhard, W. 1911. *Hettiter und Amazonen: Die Griechische Tradition Uber Die Chatti Und Ein Versuch Zu Ihrer Historischen Verwertung*. Kessinger Publ., LLC (in English).

21 Lovejoy, C. O., Meindl, R. S., Pryzbeck, T. R., Mensforth R. P. 1985. In *American Journal of Physical Anthropology* 68, 15–28 (in English).
22 Mayor, A. 2016. *The Amazons: Lives and legends of warrior women across the ancient world*. Princeton University Press (in English).
23 Meindl, R. S., Lovejoy, C. O., Mensforth, R. P., Carlos, L. D. 1985. In *American Journal of Physical Anthropology* 68, 79–85 (in English).
24 Nelson, S.M. 1997. *Gender in Archaeology*. "Analyzing Power & Prestige" Publ. (in English).
25 Rothery, G. K. 2004. In: *The Golden Age of the Amazons*. Moscow, 5–211 (in English).
26 Selover, S. 2021. In *Journal of Conflict Archaeology* 15 (3), 1–16. DOI: 10.1080/15740773.2020.1926859 (in English).

About the Author
Khudaverdyan Anahit – Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science, Yerevan, Republic of Armenia.
ORCID: 0000-0002-1458-783X Email: ankhudaverdyan@gmail.com

Автор туралы мәліметтер
Худавердян Анаит Юрьевна – аға ғылыми қызметкер, АР ҰҒА Археология және этнография институты, Ереван қ., Армения

Сведения об авторе
Худавердян Анаит Юрьевна – старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН РА, г. Ереван, Армения

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.03.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.04.2024.